

Особенности спроса на образовательные услуги высшего образования и оценка его доступности

Анна Викторовна Столь

Институт стратегических исследований государственного бюджетного научного учреждения «Академия наук Республики Башкортостан», Уфа, Россия
Контакт для переписки: stolav@isi-rb.ru

Аннотация. Одной из характеристик качества жизни является степень удовлетворения населения социальных потребностей, в т. ч. потребностей в образовании. Политика доступа к образованию является частью социальной политики государства, влияет на процесс формирования человеческого капитала. Доступность высшего образования (доступность бюджетных мест и доступность платных образовательных услуг) имеет тенденцию к сокращению. Снижение же числа вузов способствует повышению качества приема при снижении качества самих образовательных услуг высшего образования. В результате наблюдается тенденция к сжатию образовательного пространства России вслед за сжатием экономического пространства в крупные города страны. Это может способствовать усилению регионального образовательного, технологического и социально-экономического неравенства регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее образование, вуз, доступность образования, образовательные услуги, неравенство, регионы России, социальная мобильность

Благодарности: благодарю своих коллег. Работа выполнена в рамках государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» на 2022–2023 гг.

Цитирование: Столь А. В. 2023. Особенности спроса на образовательные услуги высшего образования и оценка его доступности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 4. С. 52–68. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-52-68>

Поступила 10.07.2023; одобрена 29.08.2023; принята 20.10.2023

Features of demand for educational services of higher education and assessment of its availability

Anna V. Stol

Institute for Strategic Studies of the State Budgetary Scientific Institution
"Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan", Ufa, Russia
Corresponding author: stolav@isi-rb.ru

Abstract. One of the characteristics of the quality of life is the degree to which the population meets social needs, including educational needs. The policy of access to education is part of the social policy of the state, it affects the process of human capital formation. The availability of higher education (the availability of state-funded places and the availability of paid educational services) tends to decrease. A decrease in the number of universities helps to improve the quality of admission while reducing the quality of the educational services themselves of higher education. As a result, there is a tendency to shrink the educational space of Russia following the compression of the economic space in the country's large cities. This may contribute to increasing regional educational, technological and socio-economic inequality in the regions of the Russian Federation.

Keywords: higher education, university, accessibility of education, educational services, inequality, regions of Russia, social mobility

Acknowledgments: I thank my colleagues. The work was carried out within the framework of the state task of the State Scientific University "Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan" for 2022–2023.

Citation: Stol A. V. (2023). Features of demand for educational services of higher education and assessment of its availability. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(4), 52–68. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-52-68>

Received Jul. 10, 2023; Reviewerd Aug. 29, 2023; Accepted Oct. 20, 2023

Введение

Ценность образования отражена во всех культурах и семейных историях многих людей в разных странах мира. Эффект образования на развитие человека и общества в целом, влияние образования на качество и уровень жизни подтверждаются множеством исследований [Burzynski и др., 2020; Ishchenko-Padukova и др., 2017; и др.].

Результаты исследований О. Ищенко-Падуковой, Е. Казанчанской, И. Мовчан и Л. Ньюрот подтверждают важность образования для достижения более высоких уровней доходов как на национальном, так и на международном уровне [Ishchenko-Padukova и др., 2017]. Высшее образование оказывает положительное влияние на экономические показатели, а также на индивидуальные социальные и экономические показатели, выяснили В. Волчик, А. Оганесян и Т. Олеярц [Volchik и др., 2018]. Повышение уровня образования, по итогам исследования Д. Джаума, объясняет около 60% наблюдаемых изменений в профессиях и заработной плате [Jaume, 2021].

Тема образовательного неравенства возникает при оценке социальной мобильности и достижении целей устойчивого развития. Так, неравенство в доступе к обучению может проявляться по полу, социально-экономическому статусу, семейному или географическому положению, и оно может влиять на выбор, который мы делаем в рамках образования и работы. Справедливость в образовании приносит пользу не только отдельным людям, но и всем нам вместе, помогая нам создавать сильную экономику и устойчивые общества [Equity in education..., 2022]. Как выяснили М. Бурзински, С. Дейстер и Ф. Докье неравенство стран по уровню доходов вызвано неравенством в распределении навыков, низкий доступ к образованию и неправильное распределение навыков по секторам существенно влияют на доход в бедных странах [Burzynski и др., 2020]. Этот же механизм, по всей видимости, действует и при формировании предпосылок для закрепления межрегионального неравенства в Российской Федерации. Бедность и низкое качество обучения будут воспроизводить себя, способствовать закреплению отставания депрессивных регионов по уровню социально-экономического развития от субъектов РФ — лидеров.

Образовательные системы могут повысить экономический, инновационный и деловой потенциал региональных центров и способствовать устойчивому экономическому развитию. Быстрорастущие экономики характеризуются социальной фрагментацией и экономическим разделением, как отмечают М. Тваронавичене, Е. Тарханова и Н. Дурглишвили, но потенциально могут стать движущей силой сокращения социальных различий и создания возможностей для всех граждан [Volchik и др., 2018].

По итогам 2016 г. Россия имеет высокий уровень человеческого капитала, средний уровень ВВП на душу населения и высокий индекс счастья, находясь в одной группе с 15 странами, включая страны Латинской Америки, такие как Чили, Аргентина, Перу, Мексика, Бразилия, Венесуэла, а также с Таиландом [Churilova и др., 2019]. Россия наравне с Перу — страна с развитым добывающим сектором экономики, чье природное богатство и наличие высокого уровня человеческого потенциала не приводит к повышению уровня жизни. Одной из причин такой ситуации может выступать неравномерность доходов регионов, которые недостаточно эффективно перераспределяется через налог на добычу полезных ископаемых. Влияние данного фактора исследовано Дж. Агуэро, К. Балказаром, С. Малдонадо и Х. Нопо [Agüero и др., 2021]. В исследовании авторов доказано, что перераспределение доходов с помощью налога на добычу природных ресурсов в Перу позволило более равномерно формировать в стране человеческий капитал, оказать существенное положительное влияние на обучение учащихся, и одной из причин такого влияния является улучшение в школьных расходах и инфраструктуре вместе с улучшением состояния здоровья взрослых и детей.

Несмотря на наличие в России налога на добычу полезных ископаемых и существенное перераспределение доходов от добычи полезных ископаемых между регионами, причиной недостаточного их влияния на уровень жизни может быть неэффективное распределение собранных доходов по секторам экономики.

Исходя из вышеизложенного, в условиях межрегионального неравенства по уровню и качеству жизни населения получение высшего образования может быть основой социальной мобильности, а для кого-то — шансом вырваться из ловушки бедности. Поэтому стремление родителей к получению детьми высшего образования, вероятно, будет характерно для большинства населения России, несмотря на существующие сложности и проблемы [Идиатуллин, 2013], характерные для российского высшего образования на современном этапе.

Востребованность высшего образования вызвана стремлением реализации духовных и социальных потребностей человека, социализации, потребностью в приобретении профессии. Кроме того, высшее образование является основой для дальнейшего обучения в течение всей жизни и адаптации к развивающимся технологиям. Международный комитет UNESCO по образованию в XXI в. отмечает, что образование представляет собой способность «научиться познавать; научиться делать; научиться жить вместе; научиться жить» [Хоанг, Фурсова, 2019, с. 8–9].

От наличия образования зависит формирование карьерной стратегии и уровень, качество жизни как итог реализации этой стратегии благодаря действию социального лифта. Одним из важнейших элементов социальной мобильности является способность учиться в течение всей жизни, для чего необходимы не только функциональная грамотность, но и навыки формирования запроса на обучение, самостоятельного обучения и обучения в сотрудничестве, а также навык критического мышления. Эти навыки формируются в процессе обучения главным образом в системе высшего образования. Поэтому закономерно, что сегодня уровень образования является одним из важнейших индикаторов, измеряющих уровень и качество жизни населения в каждой стране. При этом доступ к образованию является основой социального измерения для разработки соответствующей социальной политики. [Хоанг, Фурсова, 2019, с. 8–9].

В данной работе ставится цель оценить, насколько востребовано высшее образование в России, как влияет платежеспособность населения на платные услуги высшего образования. Гипотеза исследования: 1) для большинства населения образование является одной из важных ценностей, поэтому расходы на развитие детей, в т. ч. на высшее образование, являются приоритетными для семей; 2) спрос на платные услуги высшего образования увеличивается за последние 20 лет на фоне падения его доступности.

Методы

Методы исследования — аналитический и статистический. Информационная база — статистические сборники и труды отечественных и зарубежных ученых по теме развития национальных образовательных систем и оценки их качества, а также итоги социологических опросов по теме образования в России.

В Отчете Европейской комиссии по модернизации высшего образования «политика доступности» («access policy») определяется как «политика, которая направлена на расширение участия в высшем образовании для всех слоев общества и на обеспечение успешного завершения обучения в вузе» [Хоанг, Фурсова, 2019, с. 8–9].

По итогам анализа, проведенного К. А. Адамович, А. Б. Захаровым и О. В. Лазаревой в Международной лаборатории оценки практик и инноваций в образовании Высшей школы экономики, авторы делают вывод, что достаточно большие региональные различия в образовательных результатах школьников могут определить их дальнейшую судьбу, включая их поступление в вузы. Авторы определили уровень влияния обеспеченности образовательными ресурсами, выявили неравенство ресурсов как на уровне семей, так и на уровне государственного финансирования школ [Адамович и др., 2017]. Таким образом, в России есть предпосылки для образовательного неравенства и его усиления на фоне неравенства ресурсов в образовательных системах регионов страны.

Для целей настоящей работы было бы целесообразно сравнить уровень готовности студентов всех регионов страны к поступлению в вуз на основе статистических данных по ЕГЭ, при наличии таких данных мы могли бы рассмотреть гипотезу об образовательном неравенстве в России. К сожалению, по имеющимся в открытом доступе данным трудно обеспечить сопоставимость показателей. Региональные центры обработки информации публикуют информационно-статистические отчеты в разных форматах.

Поэтому на данном этапе исследования мы рассмотрим динамику спроса на платные услуги высшего образования относительно прожиточного минимума, а также итоги социологических опросов населения по отношению к образованию.

Результаты и обсуждение

Политика сокращения вузов в последние 10 лет на фоне слияния нескольких вузов в один крупный, закрытия филиалов вузов с целью оптимизации, с одной стороны, приводит к сокращению конкуренции среди вузов в системе высшего образования, с другой стороны — к снижению доступности высшего образования для студентов с низкой платежеспособностью, а также к росту конкуренции среди абитуриентов за бюджетные места.

Если оценивать доступность по доле бюджетных мест относительно численности приема студентов, то можно сказать, что она имеет тенденцию к некоторому повышению (таблица 1). Этот показатель определен на основе данных статистических сборников ВШЭ «Образование в цифрах», т. к. официальные данные по объему по контрольным цифрам приема (КЦП) в докладах Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования противоречивы. Количество бюджетных мест в вузах ежегодно меняется, фактические данные по ним чаще всего не соответствуют планам и прогнозам самого Министерства науки и высшего образования. Величина КЦП разнится как в докладах, так и в прогнозе, представленном в этих же докладах. Так КЦП на 2017/2018 учебный год варьирует от 530 до 575,7 тыс. чел., на 2018/2019 учебный год — от 540 до 597,6 тыс. чел. Данные о поступлении на бюджетные места на программы бакалавриата, магистратуры и специалитета

не соответствует данным, представленным по этим программам в статистических сборниках ВШЭ «Образование в цифрах». Например, в Докладе Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования общий объем КЦП, установленный на 2021–2022 гг. для бакалавриата и специалитета — 422 414 мест, по программам магистратуры — 119 851 место, что дает в сумме 542,3 тыс. мест, а по данным в статистическом сборнике ВШЭ 554,2 тыс. мест. [Доклад Правительства..., 2019; Доклад Правительства..., 2021; и др.].

Таблица 1. Прием студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры и их обучение за счет бюджетных ассигнований

Table 1. Admission of bachelor's, specialist's, master's students and their education at the expense of budget allocations

Показатель	2000/ 2001	2005/ 2006	2010/ 2011	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021	2021/ 2022
Прием студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры	1292,5	1640,5	1399,5	1157,8	1142,0	1147,9	1129,4	1093,3	1129,1
В т. ч. на обучение за счет бюджетных ассигнований	586,8	613,7	519,2	528,0	508,2	521,9	554,2
Доля бюджетных мест, %	45,4	37,4	37,1	46,0	45,0	47,7	49,1

Примечания: выполнено по [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

Notes: Complied with [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

Рост числа бюджетных мест происходит главным образом по направлениям подготовки, которые являются наиболее востребованными на рынке труда. Так, по данным Министерства науки и высшего образования в планах приема на 2023–2024 гг. из 590 тыс. бюджетных мест [Минобрнауки России подвело..., 2023] 41,5% КЦП приходится на инженерные и технические специальности, около 13% — на педагогические, около 12% — на общественные и 9% — на медицинские специальности.

Оптимизация вузов зачастую объясняется снижением численности студентов или излишком однотипных образовательных программ в регионе. Здесь, на наш взгляд, можно провести историческую параллель с политикой в сфере высшего образования, реализуемой в Советской России 100 лет назад. В исследовании Я. И. Кузьмина, Д. С. Семенова, И. Д. Фрумина приводится описание решения Народного комиссариата просвещения (НКП), предписывающее отделу высших учебных заведений «немедленно принять меры к устранению параллелизма, имеющего теперь место по отношению к высшей школе в крупных центрах, а для этого прежде всего свести в одно целое однотипные высшие учебные заведения, существующие в одном городе, поскольку отдельное существование

их не оправдывается количеством учащихся» [Кузьминов и др., 2013]. Исследователи выделяли и несколько волн вузовских чисток (1922, 1924, 1925 и 1929 гг.) с целью экономии государственных расходов, объясняемых «перепроизводством кадров, в частности технического профиля и необходимостью "уплотнить" вузовскую сеть». В 1930-е гг. начался рост открытия новых вузов за счет отраслевых институтов [Кузьминов и др., 2013]. Причиной оптимизации может быть также решение задачи по формированию на региональном уровне университетов с инфраструктурными задачами и их передаче на региональный уровень подотчетности. Учитывая экономическую слабость примерно половины регионов РФ, такая политика может быть реализована только с их укрупнением [Кузьминов и др., 2013].

На фоне сокращения числа вузов, конкуренция между ними снижается, что повышает конкуренцию среди абитуриентов за бюджетные места и способствует росту качества приема, основанному на системе единого государственного экзамена. Вместе с тем, это отсекает от высшего образования тех, кто не сумел получить качественную подготовку к ЕГЭ, но заинтересован в получении высшего образования. Такие абитуриенты поступают на платной основе в вузы, реализуя свою потребность в высшем образовании (таблица 2).

Таблица 2. Объем платных услуг населению в системе образования*

Table 2. The volume of paid services to the population in the education system*

Объем платных услуг населению в системе образования	2000	2005	2010	2016	2017	2018	2019	2020	2021**
Млн руб.	41530	152670	326100	567312	613294	655472	730673	655972	776089
В % от общего объема платных услуг населению	6,9	6,7	6,6	6,6	6,7	6,8	6,9	7.1	7.0
Объем платных услуг на душу населения, руб.	285	1064	2283	3868	4177	4464	4748	4479	...

Примечания: выполнено по [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

* С учетом оценки ненаблюдаемой деятельности

** Данные предварительные

Notes: Complied with [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

* Taking into account the assessment of non-observed activities

** Preliminary data

Данные таблицы 2 подтверждают востребованность платных образовательных услуг населению. Посмотрим, насколько доступно образование для средней семьи в России. В целом по России наблюдается незначительное снижение доли оплаты услуг образо-

вания в общей величине расходов в 2017 г. по сравнению с 2000, 2005 гг. (таблица 3). Однако это может быть связано с падением доли учащихся в общей численности населения, а не с доступностью данных услуг.

Таблица 3. Расходы домашних хозяйств на оплату услуг образования*

Table 3. Household spending on education services*

Расходы домашних хозяйств на оплату услуг образования	2000	2005	2010	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы на оплату услуг образования в расчете на одного члена домохозяйства в год, руб.	137	931	1583	1591	1544	1690	1987	1904
Доля расходов на оплату услуг образования в потребительских расходах, %	1,0	1,8	1,3	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9

Примечания: выполнено по [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

* По материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств

** 2000 г. — включая расходы на профессиональное образование

Notes: Complied with [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

* Based on sample surveys of household budgets

** 2000 — including expenses for vocational education

Если оценить доступность платного образования относительно прожиточного минимума (таблица 4), то можно сделать вывод о неравномерном повышении стоимости высшего образования относительно прожиточного минимума в государственных вузах при обратной тенденции в негосударственных учебных заведениях за период с 2000 по 2021 гг. В 2010 г. это соотношение улучшалось, что отражает наибольшую доступность образования за все годы исследуемого периода. После 2010 г. рост цен на образование был выше, чем рост прожиточного минимума. Таким образом, можно констатировать, что после 2010 г. ценовая доступность среднего (СПО) и высшего профессионального образования (ВО) имеет тенденцию к снижению, что несколько компенсируется увеличением доли бюджетных мест в общем числе приема студентов в вузы. Среднее профессиональное образование весь период остается более доступным по цене по сравнению с высшим образованием.

Таблица 4. Средние потребительские цены на отдельные виды услуг образования (на конец года; руб.)* и их отношение к прожиточному минимуму **

Table 4. Average consumer prices for certain types of education services (as of the end of the year; rub.)* and their relation to the subsistence level**

Виды услуг образования	2000	2005	2010	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Средние потребительские цены на отдельные виды услуг образования, за семестр в образовательных организациях, руб.									
СПО	4232	8672	13982	28440	29992	31476	34143	32939	36858

Окончание таблицы 4
Table 4 (end)

Виды услуг образования	2000	2005	2010	2016	2017	2018	2019	2020	2021
государственные и муниципальные организации ВО	7034	16027	25520	51533	57703	68260	74699	73170	77930
негосударственные образовательные организации ВО	8311	15153	22984	40774	47292	513345	57868	53247	63014
прожиточный минимум, в руб. месяц **	1210	3018	5688	9828	10088	10287	10890	11301	11653
Отношение стоимости обучения за семестр в образовательных организациях к прожиточному минимуму									
СПО	3,50	2,87	2,46	2,89	2,97	3,00	3,14	2,91	3,16
государственные и муниципальные организации ВО	5,81	5,31	4,49	5,24	5,72	6,50	6,86	6,47	6,69
негосударственные образовательные организации ВО	6,87	5,02	4,04	4,15	4,69	4,89	5,31	4,71	5,41

Примечания:

* Данные по стоимости обучения [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

** Данные по прожиточному минимуму за 2000–2019 [Данные по прожиточному..., 2020], за 2020 [Прожиточный минимум на..., 2020], за 2021 [Правительство установило..., 2021]

Notes:

* Tuition cost data — [Гохберг и др., 2021; Гохберг и др., 2022]

** Subsistence minimum data for 2000–2019 [Данные по прожиточному..., 2020], for 2020 [Прожиточный минимум на..., 2020], for 2021 [Правительство установило..., 2021]

На фоне снижения численности негосударственных высших учебных заведений и их доле в общем числе вузов с 37% до 30% за период с 2000 по 2020 гг. эти вузы предлагают более низкие цены на образовательные услуги, в среднем ниже на 40% (рис. 1).

В условиях кризиса население экономит на расходах на отдых и в какой-то степени на питание, но расходы на детей, в частности на их образование, являются одними из самых приоритетных для большинства семей.

Например, по итогам опроса в 2018 г. россияне не готовы отказываться от дополнительного платного образования детей-школьников даже в сложной экономической ситуации. Около 40% родителей ежегодно утверждают, что «не откажутся от дополнительных платных образовательных услуг даже в случае снижения уровня материального положения», — пишут эксперты РАНХиГС [Раскрыты расходы россиян..., 2020]. Со-

гласно результатам общенационального опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» и Государственным университетом — Высшая школа экономики в рамках проекта Министерства образования Российской Федерации «Формирование системы мониторинга экономики образования», проведенному по общенациональной и московской выборкам выявлена готовность большинства семей пойти на серьезные расходы ради получения образования детьми.

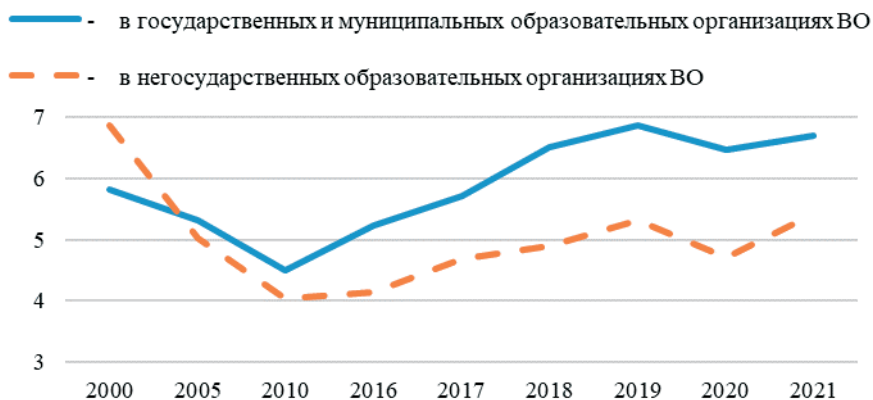

Рис. 1. Отношение стоимости обучения в образовательных организациях к прожиточному минимуму

Fig. 1. The ratio of the cost of education in educational institutions to the subsistence level

Результаты опроса свидетельствуют, что более половины (54%) респондентов убеждены в важности высшего образования в наше время. В этом убеждены практически все семьи с детьми от 4 до 22 лет (88%). Более трети домохозяйств готовы пойти на серьезные материальные расходы ради того, чтобы дети получили высшее образование. Почти треть (32%) респондентов согласны с утверждением, что для их ребенка важнее получить любое высшее образование, чем хорошее среднее профессиональное образование. Подавляющее большинство (88%) опрошенных родителей дошкольников считают важным, чтобы дети получили высшее образование. Две трети респондентов из этой группы (64%) готовы ради получения детьми образования пойти на значительные для них материальные затраты. Противоположную позицию занимают лишь четверть родителей дошкольников (25%) [Звоновский и др., 2006]. Это связано не только с более высокой вероятностью более высоких доходов в будущем, но и с необходимостью социализации. Учеба в вузе в крупном городе во многих регионах для жителей сельской местности является основой социальной мобильности и возможности дальнейшего трудоустройства и жизни в городе с более высоким уровнем жизни и доходов по сравнению с семьей родителей.

Социализирующую роль образования А. В. Идиятуллин трактует следующим образом: «Образование — это не только особый способ воспроизводства знаний, но и спо-

соб воспроизводства культуры как совокупности культурных образцов ценностей и норм. Исходя из этого, общей целью образования и образовательных систем становится поддержание непрерывности культуры и единства культурно-образовательного пространства» [Идиатуллин, 2013]. Необходимость и важность функции социализации молодежи и выпускников школ исследовали также социологи В. Н. Стегний, А. А. Пучков [Стегний, Пучков, 2014] и другие авторы.

Многие поступают в любой доступный вуз, лишь бы получить диплом высшего образования, и уже потом ищут работу, с учетом сложившихся условий, зачастую не по полученной специальности. Существующая неопределенность на рынке труда России не позволяет многим заранее планировать свою учебу, связывая ее с будущей занятостью.

Поэтому закономерны высокие цифры трудоустройства на работу, не связанную с полученной специальностью. Так, по данным [Бондаренко и др., 2021] в 2016–2018 гг. таких студентов было около одной трети — 31%. Максимальный процент трудоустройства по полученной специальности был у выпускников в медицине (клиническая медицина — 97%, фармация — 96%, науки о здоровье и профилактическая медицина — 93%) и военном управлении (93%). Минимальный процент в сельском, лесном и рыбном хозяйстве (39%) и гуманитарных науках (социология и социальная работа — 47%, политические науки и регионоведение — 48%) Получение высшего образования по часто критикуемым направлениям подготовки по экономике и управлению и юриспруденции позволяют трудоустроиться выпускникам на среднем уровне относительно других направлений (63% и 72% соответственно) [Бондаренко и др., 2021], что не подтверждает широко распространенное мнение о пресыщении рынка труда экономистами и юристами.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Спрос на платные услуги образования в расчете на душу населения имеет устойчивую тенденцию к росту. Высшее образование не всегда позволяет трудоустроиться по полученной специальности, однако оно является ценностью для большинства населения, т. к. создает условия для социальной мобильности и способности обучения на рабочем месте, а также условия для дальнейшего обучения в течение всей жизни. Доступность высшего образования по цене в негосударственных высших учебных заведениях выше, чем в государственных. Однако их число в России снижается с большими темпами, чем государственных, в т. ч. вследствие целенаправленной государственной политики по сокращению вузов. Сокращение числа вузов на региональном уровне способствует снижению конкуренции между ними и падению качества образовательных услуг. Таким образом, наблюдается сжатие системы высшего образования России вслед за сжатием всего экономического пространства. Сжатие образовательного пространства на фоне его сильной неравномерности может способствовать закреплению отставания депрессивных регионов от лидеров вследствие сокращения человеческого капитала (численности населения, его уровня образования), а значит и технологического, и социально-экономического отставания.

Для решения выявленных проблем, на наш взгляд, целесообразно повысить эффективность работы вузов, качество предоставляемых услуг. Для этого необходимы оценки эффективности системы образования. Качество приема в вузы можно оценить по данным ЕГЭ, такой анализ ежегодно проводит Высшая школа экономики [Качество приема..., 2021], однако качество выпуска в системе общего образования по регионам страны не оценивается, как и качество выпуска в системе высшего образования и среднего специального образования. Таким образом, отсутствуют данные об эффекте, который дает система образования страны.

Для оценки эффективности необходима информационная прозрачность, так в настоящее время имеющиеся в открытом доступе итоги ЕГЭ по предметам несопоставимы в разрезе регионов, отсутствуют итоги тестов по международным сопоставлениям (PISA, PIRLS, TIMSS) в разрезе регионов. Такие данные на уровне стран публикуются Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и с их помощью уже проводятся межстрановые исследования систем образования (например, [Gavugova и др., 2017]). Такие данные на уровне субъектов РФ и муниципальных образований регионов позволили бы сопоставить расходы на разных уровнях образования в регионах, муниципальных образованиях, кадровую обеспеченность и ряд других данных с конкретными измеримыми результатами обучения на всех уровнях системы образования России. Данный анализ позволил бы повысить эффективность управления системой образования в стране на региональном и на федеральном уровне. С 2022 г. исследования качества образования по международным методикам в России приостановлены. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приостановила участие России в международном исследовании по оценке образовательных достижений учащихся в марте 2022 г. [ОЭСР приостановила участие..., 2022]. В результате в 2022 г. РФ решила отказаться от участия в межстрановых сопоставлениях качества чтения и понимания текста качества математического и естественнонаучного образования (PISA), а в марте 2023 г. Россия отказалась от участия в международном исследовании качества математического и естественно-научного образования TIMSS [Мингазов, 2023]. Такие изменения могут негативно повлиять на оценку качества образования в стране и снижают возможности оценки эффективности системы образования.

Еще одним из факторов снижения качества обучения в школах и вузах, на наш взгляд, является неэффективная нагрузка на преподавательский состав, поэтому целесообразно организовать их работу так, чтобы приоритетом стала их образовательная деятельность, а не отчетность, т. е. снизить административную нагрузку на учителей и преподавателей и нагрузку, не относящуюся к образовательному процессу.

Третьей причиной неэффективности системы образования являются исходные низкие стартовые возможности для части населения в силу низких доходов, состояния здоровья и поддержки семей в процессе учебы. Эти факторы, в частности, рассматривались Всемирным банком [Доклад о мировом..., 2018]. В Докладе о мировом развитии «Обучение для реализации образовательных перспектив» отмечено, что дефицит раннего обучения усиливается с течением времени. Исходя из этого, мероприятия по сокращению данного дефицита могут быть эффективны, что исследовано в работе А. Эбл,

С. Фрост, А. Камары, Б. Боу и Д. Эльбурн [Eble и др., 2021]. С учетом накопленного положительного опыта в Индии и Гамбии в бедных регионах с низким уровнем образования [Eble и др., 2021] одним из решений проблемы образовательного неравенства в регионах России может быть дополнительная оплачиваемая работа учителей с наиболее отстающими учащимися для повышения их готовности к учебе в вузах или ссузах.

Четвертым важным фактором роста эффективности образования, на наш взгляд, может быть эффективное перераспределение доходов от добычи природных ресурсов не только между регионами России (на примере имеющегося положительного опыта Перу и самой России), но и между секторами экономики в условиях прозрачности информации о качестве обучения в школах (по опыту Индии [Afridi и др., 2022]), вузах и ссузах в регионах. Данные о качестве образования школ и вузов дали бы возможность родителям принимать более взвешенное решение об обучении детей в том или ином учебном заведении, влиять на запрос общества к системе образования в стране, решать вопросы о миграции в регионы с более высоким качеством образования. Конкуренция за человеческий капитал в итоге положительно могла бы повлиять на рост качества образования в регионах и на формирование человеческого капитала во всей стране.

Список литературы

- Адамович К. А., Захаров А. Б., Лазарева О. В. 2017. Как отличаются баллы ЕГЭ по регионам: результаты школьников и региональное неравенство // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». <https://ioe.hse.ru/lepa/news/206295646.html>
- Бондаренко Н. В., Гохберг Л. М., Кузнецова В. И., Озерова О. К., Саутина Е. В., Шугаль Н. Б. 2021. Индикаторы образования: 2021: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ. 508 с. <https://www.hse.ru/data/2021/07/15/1418937988/io2021.pdf>
- Гохберг Л. М., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К., Сутырина Т. А., Шкалева Е. В., Шугаль Н. Б. 2022. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/749756927.pdf>
- Гохберг Л. М., Озерова О. К., Сайтина Е. В., Сутырина Т. А., Шугаль Н. Б. 2021. Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/486888225.pdf>
- Данные по прожиточному минимуму. 2020 // Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm
- Доклад о мировом развитии 2018: «Обучение для реализации образовательных перспектив». 2018 // Всемирный банк. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1379-5>
- Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования за 2018 г. 2019 // Правительство Российской Федерации. <http://static.government.ru/media/files/VGZkuVnp1h5rLAAIBZ1AsP5zv4zhI79t.pdf>
- Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования за 2020 г. 2021 // Правительство Российской Федерации. <http://static.government.ru/media/files/GYRuAxoqmjgpAxeR8PRuu2zMB9NBFAa9.pdf>

- Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования за 2021 г. 2022 // Правительство Российской Федерации. <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJA13AntFYxDYzpn0NgsV7T1vX.pdf>
- Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю., Меркулова Е. Ю., Петренко К. В. 2006. Затраты домохозяйств на образование и социальная мобильность // Информационный бюллетень № 6 (24). Фонд «Общественное мнение». <https://bd.fom.ru/pdf/edmom10.pdf>
- Идиатуллин А. В. 2013. Современные социокультурные факторы развития системы высшего образования // Современные научные исследования и инновации. № 11. <http://web.snauka.ru/issues/2013/11/28253>
- Качество приема в российские вузы: 2021. 2021 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». <https://www.hse.ru/ege2021/>
- Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д. 2013. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. № 4. С. 8–69. https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314336015/2013-4_Kuzminov.pdf
- Мингазов С. 2023. Россия отказалась от международного исследования оценки знаний школьников TIMSS // Forbes. <https://www.forbes.ru>
- Минобрнауки России подвело итоги распределения бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год. 2023 // Новости Министерства. <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/>
- ОЭСР приостановила участие России в международном исследовании по оценке знаний. 2022 // Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/03/23/914747-oesr-priostanovila-uchastie-rossii-v-mezhdunarodnom-issledovanii>
- Правительство установило величину прожиточного минимума на 2021 г. 2021 // Правительство России. <http://government.ru/news/41287/>
- Прожиточный минимум на душу населения за 2020 г. по оценкам составит 11 301 руб. 2020 // Минтруд России. <https://mintrud.gov.ru/social/304>
- Раскрыты расходы россиян на дополнительное образование детей. 2020 // РИА Новости. <https://sn.ria.ru/20180822/1526976964.html>
- Стегний В. Н., Пучков А. А. 2014. Формальные институциональные ограничения как условие функционирования института высшего образования // Власть. № 7. <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-institutsionalnye-ogranicheniya-kak-uslovie-funktsionirovaniya-instituta-vysshego-obrazovaniya>
- Хоанг Ха Ван, Фурсова В. В. 2019. Доступность высшего образования в российском и вьетнамском обществах: сравнительный анализ. Казань: Издательство Казанского университета. 188 с.
- Afridi F., Barooah B., Somanathan R. 2020. Improving learning outcomes through information provision: Experimental evidence from Indian villages // Journal of Development Economics. Vol. 146.
- Agüero J. M., Balcázar C. F., Maldonado S., Ñopo H. 2021. The value of redistribution: Natural resources and the formation of human capital under weak institutions // Journal of Development Economics. Vol. 148.
- Burzynski M., Deuster C., Docquier F. 2020. Geography of skills and global inequality // Journal of Development Economics. Vol. 142.

- Churilova E., Salin V., Shpakovskaia E., Sitnikova O. 2019. Influence of world social and economic indicators' interlinkage on the development of human potential // *Journal of International Studies*. № 12 (4). Pp. 79–99. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2019/12-4/6>
- Eble A., Frost C., Camara A., Bouy B., Elbourne D. 2021. How much can we remedy very low learning levels in rural parts of low-income countries? Impact and generalizability of a multi-pronged para-teacher intervention from a cluster-randomized trial in the Gambi // *Journal of Development Economics*. Vol. 148.
- Equity in education. 2022 // OECD. <https://www.oecd.org/coronavirus/en/education-equity>
- Gavurova B., Kocisova K., Belas L., Krajcik V. 2017. Relative efficiency of government expenditure on secondary education // *Journal of International Studies*. № 10 (2). Pp. 329–343. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-2/23>
- Ishchenko-Padukova O., Kazachanskaya E., Movchan I., Nawrot L. 2017. Economy of education: National and global aspects // *Journal of International Studies*. № 10 (4). Pp. 246–258. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-4/19>
- Jaume D. 2021. The labor market effects of an educational expansion // *Journal of Development Economics*. Vol. 149.
- Tvaronavičienė M., Tarkhanova E., Durglishvili N. 2018. Sustainable economic growth and innovative development of educational systems // *Journal of International Studies*. № 11 (1). Pp. 248–256. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-1/19>
- Volchik V., Oganessian A., Olejarz T. 2018. Higher education as a factor of socio-economic performance and development // *Journal of International Studies*. № 11 (4). Pp. 326–340. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-4/23>

References

- Adamovich, K. A., Zaharov, A. B., & Lazareva, O. V. (2017). How Unified State Exam scores differ by region: Schoolchildren's results and regional inequality. *National Research University Higher School of Economics*. <https://ioe.hse.ru/lepa/news/206295646.html> [In Russian]
- Bondarenko, N. V., Gokhberg, L. M., Kuznetsova, V. I., Ozerova, O. K., Sautina, E. V., & Shugal, N. B. (2021). *Education indicators: 2021: Statistical collection*. National Research University Higher School of Economics. <https://www.hse.ru/data/2021/07/15/1418937988/io2021.pdf> [In Russian]
- Gokhberg, L. M., Kuzmicheva, L. B., Ozerova, O. K., Sutyryna, T. A., Shkaleva, E. V., & Shugal, N. B. (2022). *Education in numbers: 2022: A brief statistical collection*. National Research University Higher School of Economics. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/749756927.pdf> [In Russian]
- Gokhberg, L. M., Ozerova, O. K., Saitina, E. V., Sutyryna, T. A., & Shugal, N. B. (2021). *Education in numbers: 2021: A brief statistical collection*. National Research University Higher School of Economics. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/486888225.pdf> [In Russian]
- Data on the cost of living. (2020). *Federal State Statistics Service*. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm [In Russian]
- World Development Report 2018: "Learning for Educational Futures". (2018). *World Bank*. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1379-5> [In Russian]
- Report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on the implementation of state policy in the field of education for 2018. (2019).

- Government of the Russian Federation*. <http://static.government.ru/media/files/VGZkuVn-p1hSrLAAIBZ1AsPSzv4zhI79t.pdf> [In Russian]
- Report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on the implementation of state policy in the field of education for 2020. (2021). *Government of the Russian Federation*. <http://static.government.ru/media/files/GYRyAxo-qmjgpAxeR8PRuu2zMB9NBFAa9.pdf> [In Russian]
- Report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on the implementation of state policy in the field of education for 2021. (2022). *Government of the Russian Federation*. <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJA-I13AntFYxDYzpn0Ngsv7T1vX.pdf> [In Russian]
- Zvonovsky, V. B., Merkulova, D. Yu., Merkulova, E. Yu., Petrenko, K. V. (2006). Household expenses on education and social mobility. *Information Bulletin*, 6(24). Foundation "Public Opinion". <https://bd.fom.ru/pdf/edmom10.pdf> [In Russian]
- Idiatullin, A. V. (2013). Modern sociocultural factors in the development of the higher education system. *Modern Scientific Research and Innovation*, (11). <http://web.snauka.ru/issues/2013/11/28253> [In Russian]
- Quality of admission to Russian universities: 2021. (2021). *National Research University Higher School of Economics*. <https://www.hse.ru/ege2021/> [In Russian]
- Kuzminov, Ya. I., Semenov, D. S., Frumin, I. D. (2013). The structure of the university network: From the Soviet to the Russian "Master plan". *Educational Issues*, (4), 8–69. https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314336015/2013-4_Kuzminov.pdf [In Russian]
- Mingazov, S. (2023). Russia refused the international study of assessing the knowledge of school-children TIMSS. *Forbes*. <https://www.forbes.ru> [In Russian]
- The Russian Ministry of Education and Science summed up the distribution of budget places to universities and scientific organizations for the 2023–2024 academic year. (2023). *Ministry News*. <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/> [In Russian]
- OECD suspended Russia's participation in the international study on knowledge assessment. (2022). *Vedomosti*. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/03/23/914747-oecr-priostanovila-uchastie-rossii-v-mezhdunarodnom-issledovanii> [In Russian]
- The government has established the cost of living for 2021. (2021). *Government of Russia*. <http://government.ru/news/41287/> [In Russian]
- The cost of living per capita for 2020 is estimated to be 11,301 rub. (2020). *Ministry of Labor of Russia*. <https://mintrud.gov.ru/social/304> [In Russian]
- The expenses of Russians for additional education of children are revealed. (2020). *RIA Novosti*. <https://sn.ria.ru/20180822/1526976964.html> [In Russian]
- Stegny, V. N., & Puchkov, A. A. (2014). Formal institutional restrictions as a condition for the functioning of the institution of higher education. *Power*, (7). <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-institutsionalnye-ogranicheniya-kak-uslovie-funktsionirovaniya-instituta-vysshego-obrazovaniya> [In Russian]
- Hoang, Ha Van, Fursova, V. V. (2019). *Accessibility of higher education in Russian and Vietnamese societies: A comparative analysis*. Kazan University Publishing House. [In Russian]
- Afridi, F., Barooah, B., & Somanathan, R. (2020). Improving learning outcomes through information provision: Experimental evidence from Indian villages. *Journal of Development Economics*, 146.

- Agüero, J. M., Balcázar, C. F., Maldonado, S., & Ñopo, H. (2021). The value of redistribution: Natural resources and the formation of human capital under weak institutions. *Journal of Development Economics*, 148.
- Burzynski, M., Deuster, C., & Docquier, F. (2020). Geography of skills and global inequality. *Journal of Development Economics*, 142.
- Churilova, E., Salin, V., Shpakovskaia, E., & Sitnikova, O. (2019). Influence of world social and economic indicators' interlinkage on the development of human potential. *Journal of International Studies*, 12(4), 79–99. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2019/12-4/6>
- Eble, A., Frost, C., Camara, A., Bouy, B., & Elbourne, D. (2021). How much can we remedy very low learning levels in rural parts of low-income countries? Impact and generalizability of a multi-pronged para-teacher intervention from a cluster-randomized trial in the Gambi. *Journal of Development Economics*, 148.
- Equity in education. (2022). OECD. <https://www.oecd.org/coronavirus/en/education-equity>
- Gavurova, B., Kocisova, K., Belas, L., & Krajcik, V. (2017). Relative efficiency of government expenditure on secondary education. *Journal of International Studies*, 10(2), 329–343. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-2/23>
- Ishchenko-Padukova, O., Kazachanskaya, E., Movchan, I., & Nawrot, L. (2017). Economy of education: National and global aspects. *Journal of International Studies*, 10(4), 246–258. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-4/19>
- Jaume, D. (2021). The labor market effects of an educational expansion. *Journal of Development Economics*, 149.
- Tvaronavičienė, M., Tarkhanova, E., Durglishvili, N. (2018). Sustainable economic growth and innovative development of educational systems. *Journal of International Studies*, 11(1), 248–256. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-1/19>
- Volchik, V., Oganessian, A., & Olejarz, T. (2018). Higher education as a factor of socio-economic performance and development. *Journal of International Studies*, 11(4), 326–340. <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-4/23>

Информация об авторах

Анна Викторовна Столь, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра изучения социального развития и региона, Институт стратегических исследований государственного бюджетного научного учреждения «Академия наук Республики Башкортостан», Уфа, Россия
stolav@isi-rb.ru

Information about the authors

Anna V. Stol, Cand. (Econ.), Leading Researcher, The Study of Social Development Region Research Center, Institute for Strategic Studies of the State Budgetary Scientific Institution "Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan", Ufa, Russia
stolav@isi-rb.ru